

ШВЕЦИЯ И РОССИЯ МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ: ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ 1788–1790 гг.

После Северной войны по условиям Ништадтского мира Россия гарантировала государственное устройство своего поверженного противника, т.е. разделение полномочий между королем и риксдагом, что значительно ослабило шведское государство, и получила возможность вмешиваться во внутренние дела этой страны.

В течение первой трети XVIII в. балтийский вопрос сохранял свое важное значение вследствие постоянно растущей угрозы шведского реванша, реализованного не без помощи европейских дворов. Так, воспользовавшись русско-турецкой войной и благожелательным отношением Франции, Швеция объявила войну России. Несмотря на то что русско-шведская война 1741–1743 гг. не являлась знаменательным событием в истории европейской внешней политики XVIII в., она еще раз продемонстрировала всей Европе непреклонные военно-политические и экономические позиции России в североευропейском регионе¹.

Для Российской империи балтийский вопрос теперь наполнился новым содержанием: он охватывал совокупность взаимоотношений не только со Швецией и другими прибалтийскими государствами (Данией, Польшей, Пруссией, Голштинией, Курляндией, Мекленбургом), но и с великими державами (Англией, Францией, Австрией, Голландией). Этот вопрос приобрел общеевропейское значение и превратился в важную международную проблему.

В отношении Швеции екатерининская дипломатия, совместно с английской, в 1760–1770-х гг. придерживалась тех же методов, что и в Польше. Она и тут стремилась искусственно сохранить архаическую форму государственного устройства и поддерживала на сессиях риксдага англо-русофильскую партию, совместно с английским кабинетом выделяя на ее существование значительные суммы. Особую известность получил знаменитый проект барона И.А. фон Корфа о привлечении Швеции в Общую лигу северных государств², который, несмотря на огромные усилия его главного «архитектора» и вдохновителя графа Н.И. Панина, так и не был до конца реализован.

По своей сути, русская политика в Швеции не привела к позитивным результатам: шведское правительство оставалось франкофильским и поощрялось к тому же французским министром Шуазелем. При этом государственным деятелем версальская дипломатия вернулась к давней идее «восточного

барьера» против России, состоящего из Турции, Польши и Швеции. Объявление Стамбулом войны России в 1768 г. и начало нового противоборства в Причерноморье были и успехом Версаля.

Между тем в Швеции произошла естественная смена правителя. Образованного и приветливого, но слабохарактерного и бессильного Адольфа Фредерика в 1771 г. сменил сын — честолюбивый, умный Густав III, дошедший племянником Фридриху II Прусскому. Смена царствующей особы предвещала усиление французской группировки в Стокгольме. Русская дипломатия с самого начала вступления Густава III на шведский престол продолжала проводить намеченную линию на сохранение и усиление политического влияния прорусских сил в риксдаге.

Императрица Екатерина II выказала недоверие молодому шведскому монарху, несмотря на положительные отзывы о нем знаменитых европейцев, с которыми она состояла в личной переписке. Так, в собственноручном черновом письме Вольтеру от 31 марта 1771 г. императрица возлагает ответственность за мирные отношения между двумя странами в будущем на молодого короля: «Мне со всех сторон подтверждают ваш добрый отзыв о новом шведском короле <...>, от него будет зависеть жить со мной в дружбе; клянусь вам, я лучшая соседка, какая только есть на свете»³.

Внутриполитическое и экономическое положение в стране давало Густаву возможность нарушить статью конституции, став единовластным правителем в стране и миротворцем в политической баталии, развернувшейся в парламенте Швеции. Во многом стремительность, с которой шведский король произвел переворот, была связана с обострившейся международной обстановкой. В феврале 1772 г. Пруссия, Россия и Австрия решили произвести то, что в последствии было названо первым разделом Польши. Окончательное решение подобной внешнеполитической акции было принято 5 августа 1772 г.⁴ Сходство политического устройства Польши и Швеции и ситуации, имевшие место в этих государствах, заставляли Густава предполагать, что Швецию вполне может ожидать подобная участь.

В своей знаменитой речи к сословиям, произнесенной через два дня после переворота 1772 г., шведский король отметил ужасный пример других стран, намекая на Польшу, как предосторожность для своего отечества⁵.

Шведский историк Э. Леннрут сделал вывод, что в Швеции народ устал от партийной борьбы и был готов принять предложения Густава по ограничению аристократической власти⁶. Ларс фон Энгестрем, политический деятель и шведский аристократ, осудил переворот как незаконный, но тем не менее признал его пользу для государства⁷.

А.С. Кан считает, что французская дипломатия втайне поддерживала самодержавные замыслы молодого честолюбивого короля, нуждаясь в более сильной Швеции в своей антирусской политике на Балтике⁸.

Переворот 1772 г., в организации которого самое активное участие принял французский посол в Стокгольме граф де Вержен, был расценен в Петербурге как явное покушение на итоги Северной войны и русско-шведской войны 1741–1743 гг., как недвусмысленный вызов России⁹.

Известный отечественный скандинавист В.В. Рогинский, рассматривая вопрос о взаимоотношениях России и Швеции, высказал мысль, что именно двойная дипломатия России привела к ухудшению отношений со Швецией в 1770-х гг.¹⁰ Интересно, что в письме графа Н.И. Панина к графу И.А. Остерману в Стокгольм отражена целая программа контрмер, направленных на исправление происшедшей в Швеции ситуации. Русский двор был готов пойти на любые предприятия, вплоть до физической ликвидации короля, чтобы вернуть утраченные политические позиции в шведском государстве¹¹. Подобное письмо относилось к разряду секретных документов и демонстрировало степень заинтересованности российского двора в решении шведского вопроса.

Опасения Екатерины II в отношении первых внешнеполитических шагов шведского монарха не были беспочвенны. Шведский король достаточно быстро включился в активную внешнеполитическую игру, и его ближайшей целью стал захват Норвегии, которая принадлежала Дании.

В Швеции началось перевооружение довольно слабого и малочисленного флота, объявлен новый рекрутский набор в армию. Подобные шаги вызвали беспокойство Дании и России, а в августе 1773 г. последовал тайный русско-датский союз, который держал открытой дверь для будущей наступательной акции против Швеции¹².

Э. Леннрут и ряд других исследователей сходятся во мнении, что 1774 г. стал временем изменения отношений между двумя странами. По-прежнему императрица с недоверием и злобой отзывалась о молодом монархе. Она отказывалась принять у себя шведского посланника и не видела необходимости в визите самого короля в Петербург. Кризис 1775 г. мог вполне закончиться драматической развязкой. Сам Густав III рассматривал угрозу войны с Россией как вполне реальную. «Все клонится к войне в настоящем или нынешнем году, — писал он в 1775 г. — должно, не теряя ни одной минуты, готовиться к обороне. Чтобы окончить по возможности скорее такую войну, — продолжал король, — я намерен всеми силами напасть на Петербург и принудить, таким образом, императрицу к заключению мира»¹³.

Ситуация поменялась в 1775 г. На международной арене произошли крупные изменения. Взгляды Франции и всей Европы были направлены к североамериканским колониям. В это время видоизменяются отношения между Францией и Швецией: исчезают теплота и взаимопонимание между этими дворами, которые имели место во времена Людовика XIV. Переговоры о большом займе для Швеции, которые велись еще до перемены правления, ни к чему не привели, и шведские предложения к Франции вновь выполнить союзные договоренности не получили поддержки французского правительства. Деньги, на которые рассчитывала власть в Швеции, отправляли тем временем на выгодных условиях голландским банкирам. Но в сентябре 1775 г. была продлена на три года конвенция об экстраординарных субсидиях¹⁴.

Перед Густавом встала дилемма: или через сближение с Россией развязать себе руки против Дании, или же в союзе с последней искать поддержки в борьбе против могущественного российского влияния на севере Европы. Расчет на помощь Дании себя не оправдал, так как новый министр иностранных дел А.П. Бернсдорф, в чьих руках сконцентрировалось управление всей внешней политикой с апреля 1773 г., традиционно придерживался теплых отношений с Россией и недоверчиво относился к новому режиму в Швеции.

Все большее вовлечение европейских держав в конфликт между Англией и ее североамериканскими колониями лишало Густава потенциальных союзников для проведения своих дерзких военных планов. Этот период времени ознаменован началом нового мирного этапа в отношениях между Россией и Швецией.

В период с 1773 по 1775 гг. Густав намеревался посетить Россию и встретиться с императрицей, но обстоятельства и нежелание Екатерины не давали этой возможности осуществиться. Король за это время успел прислать в подарок два ордена Св. Серафима с мечами для императрицы и ее фаворита князя Потемкина, чтобы настроить Екатерину на дружественный лад¹⁵.

10 апреля 1777 г. Густав III получил зеленый свет и начал собираться в дорогу, а уже 16 июня прибыл через Свеаборг в Санкт-Петербург.

Несмотря на то что Густаву не удалось втянуть Екатерину во внешнеполитическую авантюру против Дании и Пруссии, поездка короля явилась проявлением его мужества и решительности. Король добился признания Россией нового шведского государственного порядка, а также разрядки напряженности между двумя государствами¹⁶.

Король хотел разорвать дипломатическую блокаду и тем самым вернуть Швеции свободу действий во внешнеполитическом плане. Речь шла об осторожном маневрировании: король прежде всего хотел добиться бла-

госклонности России, с тем чтобы в ближайшем будущем балансировать между Данией и Пруссией¹⁷.

Густав III, кроме того, хотел создать что-то вроде «горячей линии», т.е. вести с Екатериной личную доверительную переписку по конфиденциальным темам, императрица согласилась, и вскоре у обоих суверенов появился эмиссар в лице петербургского почтмейстера Фридриха Матиаса Екка¹⁸.

Однако императрица в переписке со своим другом бароном Гримом в весьма нелестном тоне отзывалась об этой затее и о том неприятном чувстве, которое у нее вызвал приезд короля¹⁹.

Тем не менее визит шведского короля имел и практический результат на фоне внешнеполитических изменений в Европе и мире: были созданы условия для заключения совместного договора о вооруженном нейтралитете 1780 г. для защиты судоходства в условиях разгоревшегося конфликта вокруг войны североамериканских колоний за независимость от британского владычества. Декларация 28 февраля 1780 г. стала фундаментом для создания Лиги вооруженного нейтралитета 1780–1783 гг., которая свела воедино интересы не только России, Швеции и Дании, но и Голландии, Пруссии, Австрии, Португалии, Королевства обеих Сицилий, Соединенных Штатов Америки, поддержавших эту идею.

Таким образом, жизненные интересы шведской морской торговли заставили Густава III в начале 1780-х гг. отложить великодержавные планы и пойти на сотрудничество с Россией и ненавистной Данией²⁰.

Каждая из трех сторон пыталась максимально использовать базу этого сотрудничества для решения частных и государственных интересов²¹.

В Петербурге внимание в первую очередь было приковано к созданию безопасного маршрута для кораблей, отправляющихся по Архангельскому пути. Копенгаген надеялся добиться такого соглашения, которое бы защитило датскую колониальную торговлю и содействовало свободе экспорта. Стокгольм желал, чтобы посредничество между воюющими странами взяли на себя Россия и Швеция, но без участия Дании, а также соглашался открыть порты для русских военных кораблей, но никак не для датских²². Впервые за многие годы недоверия и неприязни Россия и Швеция заключают стратегический союз, направленный на защиту морского судоходства и торговли.

Весной 1783 г. внешнеполитическая обстановка изменилась, что сказалось на отношении Густава III к Екатерине II.

После подписания Парижского мирного договора 3 сентября 1783 г. в Европе назрел новый международный кризис. Опираясь на поддержку Австрии, императрица решила осуществить свой давний план захвата Крыма и отторжения

его от Турции. Она приказала князю Г.А. Потемкину ввести войска на территорию Крымского ханства, в результате чего оно было присоединено к России.

Крымский кризис открыл для Густава III заманчивые перспективы возвращения к идее захвата Норвегии и присоединения ее к шведской территории. Король рассчитывал, что, если Россия будет втянута в южные дела, императрица не сможет помочь своему союзнику Дании. Ближайшие сподвижники короля были посвящены в его планы относительно кампании против Норвегии и Дании, но они сочли подобные прожекты слишком смелой авантюрой, так как шведские вооруженные силы не были готовы к войне, да и Россия не позволила бы этим планам осуществиться²³.

Поездка в Санкт-Петербург в 1783 г., где произошла вторая встреча Екатерины и Густава, продемонстрировала непреклонные позиции российской дипломатии — последняя в предполагавшемся конфликте будет поддерживать Данию.

С этого времени Густав начинает искать союзников в борьбе против России и Дании. 19 июля 1784 г. был подписан секретный договор между Швецией и Францией, по условиям которого Франция обязалась оказать Швеции военную помощь в случае, если последняя подвергнется нападению со стороны России или Дании²⁴. Но главным для Густава было возобновление французских субсидий. Швеции была предоставлена «чрезвычайна помощь» в размере 6 млн ливров. В свою очередь, Швеция обязалась оказать помощь Франции в случае нападения на нее какой-либо державы (имелась в виду Великобритания).

Король с трудом справился в 1786 г. с поднявшей голову оппозицией в риксдаге, так как без поддержки представителей сословий он не мог приступить к осуществлению своих военных планов.

Поддерживаемый А. Морковым, русским посланником в Стокгольме до 1786 г., граф Аксель Ферзен и семейство Браге на риксдаге находились во главе партии, враждебной королю. Поэтому ни одно более или менее важное предложение короля не было принято. Говорили, что русский посланник, уже через барона Спренгпортена²⁵, поступившего впоследствии на русскую службу, узнавал о подробностях событий на сейме, которые, по мнению некоторых современников, могли считаться настоящей причиной войны 1788–1799 гг.

Со стороны России продолжались действия, внушавшие опасения Густаву III. Так, в 1786 г. один русский генерал под маской обыкновенного путешественника объехал всю Финляндию, осмотрел крепости и дефилеи, обращал внимание на места, удобные для военных действий против Швеции, и старался разузнать о настроении умов населения Финляндии²⁶.

Русские посланники в Стокгольме — граф А.И. Морков, а с 1787 г. граф А.К. Разумовский — вели очень активную деятельность в кругах шведской аристократии, которая была недовольна внутренней и внешней политикой Густава III. Все это не укрылось от взора короля, возложившего вину за эскалацию русско-шведского конфликта именно на русского посланника в Стокгольме графа Разумовского.

Король был отлично осведомлен о подпольной деятельности нового русского посланника. Разумовский писал о ведущейся за ним слежке и о трудностях получения необходимой информации. Густав оказался достаточно прозорливым политиком. Он сумел дезорганизовать своих противников, позволив Разумовскому вести переговоры с одними из главных оппозиционеров, А. Егерхорном и бароном Спренгпортенем, и сбил с толку императрицу, скрыв от нее свою враждебность.

Густаву для осуществления своих планов требовалась союзническая поддержка. Он искал возможность объединить Лондон, Берлин, Париж и Копенгаген против России. Посланникам при этих дворах были направлены ноты, в которых рекомендовалось выведывать мысли и планы относительно вспыхнувшей войны между Россией и Турцией²⁷.

В Дании Густаву отказали в поддержке идеи создания оборонительного и наступательного союза между двумя странами. Датский двор не желал участвовать в каких-либо авантюрах против России, кроме того, шведский король обладал плохой репутацией в Копенгагене. Густав не догадывался о том, что Россия и Дания связаны договором о союзе и взаимопомощи в случае нападения на одну из них третьей державы²⁸.

Несмотря на то что шведский монарх не сумел связать Швецию и Данию союзническими обязательствами, он все же был доволен исходом переговоров, которые посеяли семена недоверия в отношениях между российским и датским дворами. В Дании Густаву дали понять, что в случае агрессии России в отношении Швеции она будет придерживаться нейтральных позиций. Дело было за малым — втянуть Россию в войну, заставив ее сделать первый выстрел.

Одновременно с этим, не имея возможности в открытую противостоять экспансии России в Причерноморье, английское правительство В. Пিতта постаралось использовать в своих интересах Турцию и Швецию. Привычные загребать жар чужими руками, английские политики были весьма удивлены рвением шведского монарха организовать Лигу из европейских держав, направленную против России.

Интересно, что шведский монарх рассматривал два варианта союзнических отношений. Согласно первому, такие крупные державы, как Фран-

ция, Англия вместе со Швецией, должны были вступить в союз, куда также могли войти Испания, Голландия и Пруссия. Эта Лига, по его мнению, была достаточна сильна, чтобы противостоять союзнической политике Екатерины II и Иосифа II.

Второй союз, состоявший из Швеции, Дании, Англии, Голландии и Пруссии и составлявший своеобразную северную ось, имел бы лучшие перспективы для Густава. Именно по плану второго союза проводились переговоры между вышеназванными дворами²⁹.

Конфликт между Россией и Турцией, который вновь разгорелся в 1787 г., объединил Англию, Пруссию и Швецию в борьбе с усилившимся влиянием российской дипломатии на Балтике и в Черном море³⁰.

Следует отметить, что усилия дипломатов принесли Швеции ощутимые плоды. Именно шведскому посланнику в Турции Хейденстаму удалось убедить турецкие власти объявить войну России в 1787 г., несмотря на то что султан придерживался миролюбивой политики в отношении последней. 21 сентября 1787 г. король в своем письме благодарит Хейденстама за ту работу, которую он проделал в Турции, и объясняет скупость своих фраз желанием «не выдавать секрет нашего участия в этом большом событии»³¹.

Для Англии и Пруссии, которые были готовы выступить небескорыстными посредниками в споре между Россией и Турцией, это была большая победа. Конфликт был развязан и сулил большие выгоды английскому и шведскому дворам. Свою решимость положить конец русскому своевольству на Черном море Англия и Пруссия подкрепили в октябре 1787 г. взаимными вооружениями. Посол Франции в России граф Л.Ф. Сегюр, блестящий политик и дипломат, вспоминал, что «все тогдашние политики боялись, чтобы разрыв России с Портой, возбуждив соперничество прочих держав, не произвел всеобщей европейской войны»³².

О тогдашней обстановке Сегюр писал следующее: «В тогдашней европейской политике господствовали мелочные козни, неизвестность и тьма, Воронцов писал, что Лондонский кабинет возбуждает шведского короля к войне, а Монморен этому не верил; Нолькен, шведский министр, все оставался в дружбе со мной, но был откровенен только с англичанами и пруссаками. Боевой огонь должен был рассеять этот туман, закрывавший взоры политиков»³³.

Тем не менее французский двор выразил негодование относительно действий шведского короля. Обеспокоенный вооружениями шведского флота министр иностранных дел Франции граф Монморен настойчиво заверял нашего посла в Париже графа Симолина в том, что главное для французской короны — «сохранить спокойствие на севере»³⁴. Подобные инструкции на-

ряду с другими документами подтверждают непричастность Франции к разжиганию войны между Россией и Швецией, хотя франко-шведский договор о союзе и субсидиях 1784 г., вопреки ожиданиям Людовика XVI, безусловно, стимулировал военные приготовления Густава III. В этом смысле реакция французской дипломатии была явно запоздалой. Франция к тому же в 1788 г. находилась на пороге крупнейших социальных потрясений, ее международное влияние настолько ослабло, что Густав счел возможным пренебречь советами Людовика XVI³⁵. Король Швеции поспешил переориентироваться на Англию и Пруссию и уже уверенно шел в этом фарватере. Да и сам шведский монарх не видел иного выхода из сложившейся ситуации в своей стране, кроме как разрубить гордиев узел противоречий военным демаршем.

В июне 1788 г. граф Разумовский сообщал о вооружении галерного флота в Швеции и войск в Финляндии в количестве 30 000 человек. Шведский король на заседании риксдага объявил о подготовке к войне, с тем чтобы отразить и предупредить удары, готовящиеся русскими.

Все предшествующие действия российских посланников в Швеции говорили в пользу того, что Россия не собиралась мириться с самостоятельным политическим курсом Швеции, который мог вызвать угрозу спокойствию в Балтийском регионе. Противостояние оказалось неизбежным с приходом к власти короля-вольнодумца. Вопрос заключался в другом: ограничится ли это противостояние дипломатической атакой и демонстрацией или речь идет уже о вооруженном конфликте.

Действительно, образ действий российского посланника в Швеции графа Разумовского был вызывающим.

В частности, Г.А. Потемкин, находившийся в турецком походе, узнав о дипломатическом разрыве со Швецией, был крайне недоволен мерами русского кабинета, вызвавшими, по его мнению, диверсию Швеции в пользу Оттоманской империи³⁶.

Как бы то ни было, Густав после такой демонстрации со стороны русского посланника считал себя вправе довести дело до полного дипломатического разрыва. Граф Разумовский пожелал воздействовать на общественное мнение и позаботился об обнародовании своей записки, кроме того, королю были известны связи русского посланника с оппозиционными силами в шведском риксдаге. Поэтому дальнейшее его пребывание в Швеции должно было казаться Густаву просто опасным. Вследствие чего король через своего церемониймейстера Бедоара передал 12 (23) июня ноту Разумовскому, в которой выдвинул свои обвинения против него и велел в недельный срок покинуть Швецию ради его же блага³⁷.

За четыре дня до объявления о дипломатическом разрыве между шведским и русским дворами финляндские части Густава напали на Нишлодскую крепость в российской Финляндии без официального объявления войны.

Императрица, как известно, писала иногда к Циммерману с целью влиять через него на общественное мнение в Западной Европе. В настоящем случае Екатерина желала склонить по возможности общее мнение на свою сторону. Пользуясь своей правотой с формальной стороны, она старалась выставить Густава революционером, нарушающим и положительное государственное, и международное право, и общее начало гуманности и цивилизации. Таким он выставлен и в манифесте 30 июня, обнародованном в «Санкт-Петербургских ведомостях» и прочитанном в Казанском соборе³⁸.

Ответ Густава III Екатерине был дан в форме ультиматума, о неприличии которого граф Сегюр заметил, что даже султан не посмел бы обратиться к слабому государю Молдавскому в таком тоне, в каком Густав говорил теперь с императрицей³⁹.

Об образе мыслей Густава можно судить по содержанию его письма к барону Нолькену от 25 июня (6 июля), которое содержало ультиматум. Густав обвинил императрицу в открытии военных действий русскими на территории шведской Финляндии. Это давало ему право требовать от Екатерины выполнения следующих требований: отдать Швеции завоеванные Петром и Анной Иоанновной территории в Финляндии, разоружить Черноморский флот и возвратить Турции Крым. Густав позволил Екатерине ответить на его требование в единственной форме: «да или нет». Ответ «нет» означал бы желание императрицы воевать со Швецией⁴⁰.

Война перьев между Екатериной и Густавом продолжалась. 27 июля императрица велела сделать возражение на гамбургские газеты, в которых было помещено, что «будто мы начали военные действия против Швеции»⁴¹. Так, императрица сама отвечала на шведскую декларацию и позаботилась об обнародовании этого ответа. Теперь наступило время, когда литературный талант Екатерины смог раскрыться в полной мере в борьбе с Густавом: она сочиняла французские стихи на Густава и занялась сочинением оперы «Горе-богатырь», в которой высмеивались нападки и бравада Густава, а сам он был представлен рыцарем, которому «доспехи велики, меч тяжел»⁴².

В августе в немецких газетах был напечатан шведский манифест о войне, обнародованный 8 августа Сенатом. Европа с большим вниманием следила за событиями, разворачивавшимися на севере Европы.

Тем временем Англия и Пруссия все более явно поддерживали Густава. А заключенный между английским и прусским дворами 13 июня в Лоо обо-

ронительный трактат ярко продемонстрировал тот факт, что единый фронт против нарушителя равновесия в Европе, коим считалась Россия, уже сформирован⁴³. Испанская корона также решила предложить свои дипломатические услуги в разгоревшемся конфликте. Конфликт между Швецией и Россией входил в свою военную фазу.

Экономически и Россия, и Швеция находились в весьма трудных условиях, что накладывало дополнительные финансовые тяготы на плечи податного населения. Россия находилась в состоянии войны с Турцией, поэтому новая война на севере становилась угрозой для безопасности столицы, тем более что все наиболее боеспособные силы находились на южном театре военных действий.

Шведский генеральный штаб рассчитывал на блестящую и стремительную кампанию, российская сторона, напротив, видела залог своего успеха лишь в попытке малыми силами сдержать первый удар шведов на Финляндском театре войны, ожидая подкреплений. На море Екатерина также стремилась атаковать шведский флот и разбить его в генеральной баталии, что и приказала сделать адмиралу С.К. Грейгу.

Военные советники Густава и Екатерины сходились во мнении, что исход войны может решить лишь победа в генеральном морском сражении.

Россия и Швеция прошли длительный путь от дипломатического противостояния в начале 1770-х гг., союзнических отношений по вопросам совместной защиты нейтральной торговли до новой эскалации конфликта, вылившегося в войну 1788–1790 гг. Война стала следствием неспособности русского и шведского дворов пойти на политический компромисс. Масло в огонь подливали личная неприязнь и недоверие Екатерины к Густаву, которые она с успехом демонстрировала в беседах и переписке с известными политическими фигурами тогдашней Европы. В частности, шведский король видел в войне и победе единственную возможность в будущем проводить самостоятельную политику, не оглядываясь на своего могучего восточного соседа, тем более что действия российских посланников в Швеции могли расцениваться как вмешательство во внутренние дела этой страны.

¹ Шигин В. Та далекая война // Морской сборник. 1990. № 10. С. 66–70.

² Гаврюшкин А.В. Граф Н.И. Панин: из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989. С. 70–71.

³ Екатерина II Вольтеру от 31 марта 1771 г. // Сб. РИО. 1874. Т. 13. С. 76–78.

⁴ Carlsson S. The Swedish Society at the end of the XVIII century / Relations between Poland and Sweden over the centuries. Warszawa, 1990. P. 71. Подробная информация о разделе Польши в 1772 г. содержится в «Бумагах, касающихся первого раздела Польши» (Из архива гр. Н.И. Панина // Русский Архив. М., 1871. Вып. 6–12. С. 1762–1855).

⁵ Carlsson S. The Swedish Society at the end of the XVIII century / Relations between Poland and Sweden over the centuries. Warszawa, 1990. P. 71–72.

⁶ Леннрут Э. Густав III (шведские портреты). Стокгольм, 1999. С. 10–11.

⁷ Carlsson S. Lars von Engestrem. A Swedish-polish aristocrat and patriot / Changes in two Baltic countries. Poland and Sweden in the XVIII th century. Ed. By E. Cieslak. Poznan, 1990. P. 165–179.

⁸ Кан А.С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1980. С. 94.

⁹ Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения 1774–1792. М., 2001. С. 372–374.

¹⁰ Рогинский В.В. Швеция и Россия: союз 1812. М., 1978. С. 42.

¹¹ Письмо графа Н.И. Панина к графу И.А. Остерману в Стокгольме от 15 ноября 1772 г. // Сб. РИО. СПб., 1904. Т. 118. С. 273–277.

¹² Андерсон И. История Швеции. М., 1951. С. 287–288.

¹³ Цит. По: П. Сандин. Швеция — Россия: Дипломатическая игра в XVIII в. // Дипломатические отношения: Россия и Швеция. СПб., 1999. Вып. 3. С. 24–25.

¹⁴ Den svenska utrikes politikens historia. Del 2. 1721–1792 v O. Jägerskiöld. Stockholm, 1957. S. 270–272.

¹⁵ Леннрут Э. Густав III и Екатерина II // Родина. 1997. № 10. С. 83–84.

¹⁶ Sammandrag af Rysslands Historia från dess början till närvarande tid af Abbe Perrin. Översättning af J.P.W. Senare delen. Örebro, 1810. S. 219–222.

¹⁷ The count of Gotland visits St. Petersburg by V. Fedorov, B. Jangfeld, M. Olausson // Catherina the Great and Gustav III. Helsingfors, 1999. P. 155–164.

¹⁸ Екатерина II и Густав III акад. Я.К. Гроза // Приложение к XXX т. Записок Императорской Академии наук. СПб., 1877. С. 18.

¹⁹ Екатерина II в переписке с Гримом акад. Я.К. Гроза // Приложение к XXXIV т. Записок Императорской Академии наук. СПб., 1879. № 1. С. 115–118.

²⁰ Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 145.

²¹ Den svenska utrikes politikens historia av O. Jägerskiöld. Del. 2. 1721–1792. Stockholm, 1957. S. 281–283.

²² The Armed Neutralities of 1780 and 1800. A collection of official documents preceded by the views of representative publicists edited by J. Brown Scott. N.-Y., 1918. P. 311–316; Sveriges historia genom tiderna / Red. J.G. Anderson. Stockholm, 1948. S. 460–464; Старцев А.И. Американский вопрос и русская дипломатия в годы войны США за независимость // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика, культура): Сб. ст. М., 1966. С. 447.

²³ Подробнее о планах короля в отношении Норвегии в кн.: Almen F. Gustaf III och hans rådgivare 1772–1789. Uppsala, 1940; O. Nikula. Svenska skärgårdsflottan 1756–1791. Hfors, 1933.

²⁴ Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М., 2001. С. 378.

²⁵ Подробнее об этой политической фигуре: Спренгпортен, герой Финляндии. О путешествии его по России // Русский архив. 1887. Вып. 4. С. 481.

²⁶ Sveriges politiska historia under Gustaf III's regering af G.T. Odhner. Andra delen. 1779–1787. Sthlm, 1896. S. 533.

²⁷ Gustaf III's yttre politik under tiden närmast före ryska krigets utbrott av P.V. Köer-sner. Falun, 1882. S. 16–17.

²⁸ Holm E. Danmarks politik under den svensk-russiske krig 1788–1790. Kopenhamn, 1874. S. 1–13.

²⁹ Sverige och Storbritanien 1787–1790. akad. Avhandling av S. Carlsson. Lund., 1944. S. 37–38.

³⁰ A History of Modern Europe from the capture of Constantinople, 1453 to the Treaty of Berlin, 1788 by sir R. Lodge. London, 1932. P. 463.

³¹ Sveriges politiska historia under Konung Gustaf III's regering af G.T. Odhner. 2 del. 1779–1787. Stockholm, 1896. S. 536–537.

³² Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Л.Ф. Сегюра (1785–1789) // Русский архив. 1907. № 10. С. 221.

³³ Там же.

³⁴ Симолин — Остерману от 19 мая 1788 г. Цит. по: П.П. Черкасов. Екатерина II и Людовик XVI. С. 381.

³⁵ Рогинская А.Е. Очерки по истории Франции XVII–XIX вв. М., 1958. С. 76.

³⁶ Леннрут Э. Густав III и Екатерина II // Родина. 1997. № 10. С. 84.

³⁷ Брикнер А.Г. Война России со Швецией 1788–1790 гг. // Журнал Министерства народного просвещения (февраль 1869). СПб., 1869. С. 333; Dagboksanteckningar för åren 1786–1792 av C/G/ Nordin. Sthlm. S. 14.

³⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1788. С. 720–730.

³⁹ Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Л.Ф. Сегюра (1785–1789) // Русский архив. 1907. № 10. С. 346–347.

⁴⁰ Брикнер А.Г. Война России со Швецией 1788–1790 гг. С. 340.

⁴¹ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II. 6 августа 1790 г. С. 229.

⁴² Отдел рукописей РГБ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 20. Музыкальное собрание: «Горе-богатырь». Л. 5–6; Канн А.С. Россия и русско-шведские отношения в освещении шведской публицистики «Эры свобод» и густавианского времени // Скандинавский сборник. Т. XXVI. Таллин, 1981. С. 99.

⁴³ Подробнее о договоре между Англией и Пруссией в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 18 июля 1788 г. и 24 июня 1788 г. С. 823, 839.